

DOI: 10.33184/dokbsu-2021.5.12

Похититель невесты Кара-юрга в евразийской культуре

Е. А. Круглов¹, Г. Р. Шагапова^{2*}

¹Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, улица Октябрьской революции, 3а.

*Email: shagapovanfbgu@mail.ru

В статье авторы рассматривают образ коня Кара-юрга – похитителя невесты, и находят параллели в мифологии народов Евразии. Возможно наличие связи Кара-юрга с кентавром Нессой и балканским Неоптолемом. Мифологические, фольклорные и этнографические материалы находят подтверждение в археологических материалах Средней Волги VIII–IX веков: Большетиганском могильнике и Шиловском кургане.

Ключевые слова: Кара-юрга, древнегреческая мифология, евразийская мифология, Большетиганский могильник, Шиловский курган.

С профессором Р. З. Янгузиным один из авторов статьи – Е. А. Круглов – были коллегами, работая на историческом факультете. Второй автор – Г. Р. Шагапова – свои первые шаги в этнографию напрямую связывает со своим учителем, занимаясь в студенческие годы в научном кружке «Этнография». Памяти коллеги и учителя посвящается эта статья.

В VII веке под давлением хазар оставляют низовья Дона и переходят на среднюю Волгу ранние булгары. На Волге, в районе Самары, они оказались в окружении автохтонных уральских археологических культур к. VIII – нач. IX веков. Историки XX века связывают этот переход на Хазарию и Дон Марвана в 735–736 гг.[1], перешли сюда союзные им тюрки-сабиры и огузы- [2, 3], а также сармато-аланы с Дона: последние ираноязычные номады Танаиса, а булгары и вытесненные ими с Волги на Дунай мадьяры – «тюркизированные угры». Со временем связи волжских булгар заметно смещаются на восток, что свидетельствуют материалы раскопок Большетиганского могильника возле Самары (70-е годы XX в.) и Шиловского кургана из Ульяновской области в 90-е годы XX века. В материалах Большетиганского могильника, более позднего, чем Шиловка [4], бросается в глаза широкое разнообразие пряжек и наконечников ремней из серебра и бронзы. Заметно выделяется подгруппа АII 3–4, где на щитке пряжки отчетливо изображены крылатые кони в стиле торевтики восточных районов Средней Азии VIII – IX веков [5].

Крылатые кони – тема, несомненно, отдельного рассмотрения, но их объединяет роль либо советника/покровителя царя – героя, либо – посредника/проводника души [6]. В этой связи обратим внимание на давно чтимый у восточных башкир культ Кара-юрга, то есть черного иноходца. Хтоническое происхождение лошади безусловно: Кара-юрга выходит из озера Шульган. Интересны наблюдения, свидетельствующие о существовании древнейшего тотемистического праздника коня: рудименты коллективного поедания конского мяса и сохранившийся башкирский танец, [7]. Известно, что башкиры вешали череп лошади на ограду двора, хозяйственные постройки и пр. Зафиксирован один аналогичный случай у восточных марийцев в Краснокамском районе РБ: накануне Пасхи варили конскую голову, кусочек должен был попробовать каждый член семьи, череп коня одевали на тын, ограждая хозяйство и его членов от несчастий [8].

Интересен сюжет о Кара-юрга, как похитителе невесты-жены. Мотив похищения конем невесты можно найти в фольклоре Адыгеи, Персии и Индии, в алтайском, тувинском мифе, в китайском фольклоре, узбекской сказке, и даже в русской сказке «Настасья-королевна» [9]. В мифо-поэтическом наследии древних эллинов это сюжет о похищении жены Геракле Деяниры кентавром Нессой. Спасая ее, герой ранит смертельно миксантропа, но кровь его, втертая наивной Деянирой в хитон великого героя, оказывается причиной гибели великого и смертного сына Зевса. В похожих по сюжету сказаниях Адыгеи, Ирана и Индии жених не гибнет, но канва почти аналогична: невеста-жена похищена конем – «другом» героя, как и в башкирском сказании о Кара-юрга. Исследователи эпоса постоянно акцентируют внимание читателя, что иноходец Кара-юрга – не простой конь, подобно Акбузату [10, 11], а скорее оборотень, конь-тотем рода, точнее умершего героя, чья душа в камне, вокруг которого регулярные ритуальные танцы и возлияния [12]. Дж. Фрэзер приводил пример о камне-обиталище души сына Ахилла Неоптолема [13]. Последний был, согласно Гомеру (ИА. XI, 506–537), в числе восьмерых в чреве Троянского коня. В Трое, мстя за погибшего отца, Неоптолем в числе добычи похищает вдову Гектора Андромаху – очевидная параллель. Неоптелом, вернувшись на Балканы, упрекал Аполлона за гибель отца от стрелы Париса, за что и был лишен жизни. Камень на его могиле возле Дельфийского прорицалища стал местом возлияний, как менгир, для умиротворения души brutального героя.

На Южном Урале также зафиксировано немало топонимов, в том числе и названия гор и камней, где так или иначе встречается либо масть лошадей, либо классификация по возрасту – гора Айгир, Ташколон, либо просто встречается в топониме слово «лошадь», например Атсуярово.

Параллели в духовной культуре башкир и древних эллинов этим не исчерпываются, имеются общие черты в игровой культуре. К примеру, девичьи игры «Пять камешков», По свидетельству Луи Бекъ-де Фукьера, на рисунке в Неаполитанском музее представ-

лено пять богинь, из которых две на переднем плане играют в пять камешков [14]. Весьма популярной была и игра в косточки (альчики) с мелкими суставными косточками овец. Существует легенда, что именно грек Паламед изобрел игру в кости во время Троянской войны для времяпровождения. Зевс мечет кости, решая судьбы богов и людей [15]. Игра в слепого у древних греков называется «медная муха» и здесь прямая аналогия игре «слепая муха», «слепой».

Если допустить вероятность новейшей версии о прародине прото-греков в степных просторах Майкопской культуры III тыс. до н.э. на границе Кубани и Адыгеи, то роль коня, как похитителя чужих жен, к примеру, в адыгейских сказках будет связующим звеном между Нессом Балкан и Южно-Уральским иноходцем Кара-юрга. Последний, по одной версии, летит с похищенной невестой куда-то на север, к Ледяному морю, по другой же – к берегам Сакмары или Самары и еще далее, на запад. Если исходить из второго варианта, совсем неудивительны будут пряжки типа АII 3–4 с изображением крылатого коня из могильников болгар-кутригур с берегов Самары – там, где их и считали в своих сочинениях византийские авторы VIII–IX вв. н.э.

Литература

1. Генинг В. Ф., Халикова А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 65.
2. Diller A. Byzantinesists of geographical Names // 82.1970. 82. 63. p. 28–34.
3. Круглов Е. А. Византийские метономасии и постантичные «варвары» в VIII–XV вв. // Новый Гиперборей. Пермь, 2004. С. 82–90.
4. Халикова Е. А. Большетиганский могильник // СА. 1976. №2. С.158–178.
5. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976. 199с.
6. Круглов Е. А. Конь и всадник в мифах ранней Греции // Мир Евразии. Уфа, 2019. Т.1. С. 4–11.
7. Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 268.
8. Изибаева Г. М. Похоронно-поминальные обряды марийцев Республики Башкортостан: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Уфа, 2019. С. 176.
9. Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 258.
10. Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, Башкирское книжное изд-во, 1970. С. 100–104.
11. Котов В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Уфа: Гилем, 2006. С. 254.
12. Нагаева Л. И. Башкирская народная хореография. Уфа: Китап, 1995. С. 63, 66.
13. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1990. С. 259.
14. Шагапова Г. Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа, РИЦ БашГУ. 2010. С. 53–54.
15. Шагапова Г. Р. Альчики и кости: древняя евразийская игра // ТЖЛАИ. 2020. №4. С.161–175.

The bride kidnapper Kara-Yurga in Eurasian culture

E. A. Kruglov¹, G. R. Shagapova^{2*}

¹*Bashkir State University*

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

²*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla*

3a October Revolution Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: shagapovanfbgu@mail.ru*

In the article, the authors consider the image of the horse Kara-yurga, the bride kidnapper, and find parallels in the mythology of the peoples of Eurasia. The presence of a connection between the Kara-Yurga and the centaur Nessa and the Balkan Neoptolem is possible. Mythological, folklore and ethnographic materials are confirmed in the archaeological materials of the Middle Volga of the 8–9th centuries: the Bolshetigansky burial ground and the Shilovsky burial mound.

Keywords: Kara-Yurga, ancient Greek mythology, Eurasian mythology, Bolshe-tigan burial ground, Shilovsky kurgan.